

К 100-летию Леонида Скалковского

ПРИЗВАН В ПОЭТЫ ВОЙНОЙ

У Леонида Васильевича Скалковского есть строки: «Кто поэтом рожден, я же – призван войной». В этом добровольном признании нет и доли поэтической метафоры: кому не хочется числить свой талант от Бога? Его дар разбудил грохот пушек под Москвой в октябре 1941 года. В далеком казахстанском Аягузе, где уже всё боеспособное население было призвано на войну, а его, вчерашнего десятиклассника, раз за разом отправляли с медкомиссии домой по причине плохого зрения, он наполнял местные газеты своими стихами. Всем своим юным патриотическим сердцем он устремился туда, где решалась судьба страны, где уже воевал старший брат Пётр. Из-под Москвы придет в марте 1942-го последнее его письмо, а потом и извещение. «В списках убитых, раненых, пропавших без вести не значится». Для их матери Ульяны Владимировны оставалась неизживаемая с годами надежда. Леонид Васильевич напишет об этом поэму «В списках не числится» и стихотворение «Неизвестный солдат»:

*Стою у стены Кремлевской,
Где спит Неизвестный солдат.
Как знать, может – Пётр Скалковский,
Мой старший брат?*

Он нагнал свою войну под Ковелем, откуда наши никак не могли выбить фашистский гарнизон. Но сначала прошел трудармию в шахтерском Кузбасе, где заготавливал крепежный лес и где люди среди стужи и голода мерли как мухи. Остался ли кто живой из того эшелона, с которым он прибыл тогда в Прокопьевск из Семипалатинска? Но не мог же родившийся в нём поэт бездарно умереть на лесоповале. Он сделал попытку попасть в Кемеровское военно-пехотное училище. И снова – зрение. И тогда он пошел пешком из Прокопьевска в Барнаул, ближе к фронту...

По тому, как фанатично устремлялся Леонид Васильевич Скалковский на войну, казалось, уже сама судьба вела его, исход мог быть либо – либо. Либо он сложит голову в первом бою, либо пройдет сквозь неё как горячий клинок сквозь масло. Поднявшись в первую атаку под Ковелем без очков при зрении минус четыре, так что немцев вдали он различал весьма туманно, он – пехотинец! – встретил Победу в Берлине без единой царапины. Он был автоматчиком, охранявшим в бою полковое знамя (оно находится в музее Ярославской дивизии), полковым разведчиком, в ночь-полночь ходившим за языком, комроты пулеметчиков, ведь в очках-то он бил в «десятку» без промаха. Окончив курсы младших лейтенантов, в Восьмой гвардейской армии Чуйкова 1-го Белорусского фронта он дошел до рейхстага в неполный двадцать один год.

Ему доведется побывать в местах последних боев, которые навеяли поэму-репортаж «Берлинское направление» и которые десятилетия спустя пере-

живались почти как вчерашние. «На Западном берегу Одера мы захватили маленький клочок земли, где нас бомбили день и ночь, – рассказывал Леонид Васильевич. – С этого плацдарма и пошли на Берлин, до которого оставалось 70 километров. Это было знаменитое Кюстринское направление, где Жуков применил 140 зенитных прожекторов, которые ослепили немцев, и мы по этому лучу прошли вперед. Но Жуков-то думал, что мы возьмем Зееловские высоты в первый день, а мы взяли на третий». Взяли ценой неимоверных усилий.

И я думаю сегодня, в год столетия Леонида Скалковского, кавалера ордена Александра Невского, полученного им за взятие Зееловских высот: какое мы счастливое поколение писателей и журналистов, ведь нам довелось слышать воспоминания фронтовиков из первых уст!

В 1946 году отделение журналистики филфака КазГУ пополнилось бывшими фронтовиками, среди них были Леонид Кривошеков, Федор Осадчий, Леонид Скалковский, Морис Симашко, Виктор Свинчанский, Петр Штабнов, Олег Окулов. Леонид Данилович Кривошеков вспоминал об этом времени: «Университет гудел от наших собраний, диспутов, капустников, литературных вечеров. А за спиной еще совсем близко-близко стояла война. И первым из нас стал писать стихи о ней бывший командир пулеметной роты с красивым орденом Александра Невского на груди – двадцатидвухлетний Леонид Скалковский. Стихи его западали в душу с первого прочтения, даже с первого прослушивания на институтском вечере...»

Так что в «Казахстанскую правду» в 1950 году он пришел уже признанным поэтом. «Это было большое счастье, высшего отличия для журналиста ни тогда, ни сейчас не было и быть не может. Я до сих пор уважаю и люблю эту газету, – рассказывал Леонид Васильевич, президент Международного фронтового клуба имени газеты “Казахстанская правда” в одну из наших встреч. – Работая в отделе культуры, я познакомился со всеми классиками – писателями, композиторами, художниками, театральными деятелями. Помню такой случай. Шел материал Мухтара Омархановича Ауэзова, я позвонил ему домой, он жил тогда напротив оперного театра, и попросил прийти вычитать статью после правки. Он говорит: я заболел, прочтите по телефону. Статья была большая, литературоведческая. Он молча выслушал и говорит: “Вы сделали в двух местах правку, я согласен, спасибо вам”.

Он меня буквально окрылил этими словами, я стал себя чуть выше ставить от такой похвалы. В моей жизни Ауэзов стал духовным ориентиром как человек, как ученый, как литератор. Я сейчас пишу воспоминания о нем и о Бауыржане Момышулы, который пригласил меня работать с ним над его “Записками офицера”. Тогда газеты держали прямую связь с поэтами, писателями, публиковали много стихов и переводов, которые редакторы стали мне заказывать. Я переводил Таира Жарокова, Хамита Ергалиева, Калижана Бекхожина, чьими именами сейчас сейчас улицы в Алматы, и многих других. И очень скоро меня пригласили работать литконсультантом в Союз писателей, его председателем тогда был Сабит Муканов».

Леонид Васильевич работал в журнале «Простор», в издательстве «Казахстан», в Бюро пропаганды художественной литературы СП и всегда оставался в своем творчестве на острие запросов времени. Он вспоминал, какой общественный резонанс в середине прошлого века вызвала публикация в главной газете республики его перевода стихотворения Дихана Абилева «Родной язык». Дихан-ага писал стихи на казахском, а его дети начали утрачивать родной язык. Дихан Абилев прожил почти сто лет. Их последнюю встречу Леонид Васильевич вспоминал с особой теплотой, ведь они говорили о том, что волновало обоих: «Стареет общество, стареет, когда поэзия немеет».

«Не только человек, но и общество стареет, когда оно отказывается от хороших стихов, – сетовал Леонид Васильевич уже в новом веке, в одной из наших последних бесед в 2009 году, в год его 85-летия. – Люди соскучились по встречам с писателями, поэтами. Искусственно разорвана связь между писателем и читателем, люди отучаются от книг, от главного, что воспитывает душу».

«А какие стихи пишутся в восемьдесят пять?» – полюбопытствовала я. Леонид Васильевич со свойственным ему юмором ответил: «Помню, на фронт к нам приехал большой московский поэт, мы обрадовались. Но не успел он дочитать свое стихотворение до середины, как налетели “мессершмитты”, и все разбежались. Самолеты отбомбились, улетели, поэт вылез из кустов и говорит: “Теперь я понял, почему надо писать короткие стихи”. У нас сейчас время суровое, порой, как под вражеским налетом, и я пишу короткие стихи, недавно в “Просторе” опубликовал цикл, название которого говорит само за себя – “Кишкентайки”. И посерьезнел: “Но всегда главной моей темой была и остается наша Победа”».

Главной она всегда оставалась во всех книгах Леонида Скалковского. В предисловии к одной из них его друг – поэт военного призыва Леонид Данилович Кривошеков писал: «Видимо, с возрастом мы, бывшие фронтовики, всё яснее осознаем, что ратный подвиг, совершенный нами в молодости, и был нашим главным делом на земле. И нам, конечно же, хочется как можно ярче и точнее рассказать об этом своем главном деле. Вот почему так дорога нам тема защиты Отечества, солдатской верности, солдатской доблести, солдатской памяти».

Об этом ветераны Международного фронтового клуба имени газеты «Казахстанская правда», даже оставшись в меньшинстве на занятой ими стратегической высоте, говорили на многочисленных встречах в школах, институтах, форумах и конференциях, делая свое святое дело по патриотическому воспитанию молодежи, донося до них свою правду победителей о Великой Отечественной войне. Теперь об этом говорят их книги. Поколение фронтовиков было и остается в них нравственной основой нашего общества. И мы благодарны им за это.

Любовь ШАШКОВА

Леонид СКАЛКОВСКИЙ

СОЛДАТСКИЙ НАКАЗ

Солдатский наказ

На войне перед боем
Я слышал не раз:
«Кто останется жить,
Расскажите о нас».

Доверяли друг другу
В порыве одном
Всё: и жизнь, и судьбу,
И бессмертье потом.

И никто не просил
В тот решающий час:
«Обо мне расскажите».
А только – «о нас».

Эту просьбу несли
По цепочке живой...
...Кто поэтом рождён,
Я же призван войной.

«Расскажите...» –
Я сам перед боем просил.
Пуля чиркнула раз –
Томик Гёте прикрыл.

И стучит в моем сердце
Солдатский наказ:
«Расскажите о нас...
Рас-с-ка-жи-те о нас...»

Чтоб верней рассказать,
Забираю внучат –
Перед Вечным огнем
Пять минут помолчать.